

Владимир Владыкин

Банный дух

Роман

Владимир Владыкин

Баннѝй дух. Роман

«Издательские решения»

Владыкин В.

Баннй дх. Роман / В. Владыкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743663-6

Роман «Баннй дх» В. А. Владыкина написан в стиле сатиры, причём это смешение реализма и мистики. События происходят в далёкие семидесятые годы. В нём рассказывается о коллективе бани. Вновь назначенный директор И. П. Гвоздина пытается бороться с пьянством. Нелегко директору бороться и с таким злом, как воровство.

ISBN 978-5-44-743663-6

© Владыкин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	9
3	17
4	21
Глава вторая	25
1	25
2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Баннѣй дух Роман

Владимир Владыкин

© Владимир Владыкин, 2018

ISBN 978-5-4474-3663-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1

Началась эта история в последней четверти прошлого века в старом городе N. Он стоял на вытянутом и не очень крутом холме, увенчанном собором. Городу было сто семьдесят пять лет. В нём проживало больше ста пятидесяти тысяч человек. Многоэтажные дома в основном строились в центре, тогда как окраинные улицы состояли из старых полуторных курений и молодых частных домов, которые не все были обустроены сануздами, и не каждое подворье имело личную баньку. И вот они и пользовались общественной...

О ней и пойдёт наш сказ...

Так получилось, что в исторической части города, не считая промышленных пригородов и дачных товариществ, баня была всего одна. Построили её трёхэтажной из красно-бурого кирпича в первой четверти XX века. С фасада здание было оштукатурено и выкрашено розовой охрой. Для обывателей оно казалось крепким и неуязвимым для времени. Несмотря на свой прочный внешний вид, баня неоднократно объявлялась аварийной: первый раз это случилось, когда власти решили возвести новую. И ни где-нибудь, а на Сенном рынке.

Там, на обширном пустыре, под закладку фундамента вырыли глубокий котлован, но на этом работы почему-то заглохли. А жильцы из близлежащих домов, видя, что котлован вот уже который год зарастает бурьяном, стали его засыпать бытовым мусором, и со временем он превратился в натуральную свалку с нехорошим запахом.

Санитарная служба по жалобам горожан забила тревогу...

И однажды пришли гружённые грунтом тяжёлые самосвалы и в считанные дни сравняли котлован с землёй. А как же со строительством бани? Ведь за последние десять лет её, горемычную, ремонтировали неоднократно. Чаще всего общественную закрывали из-за порывов на изношенных сетях подач горячей и холодной воды. Разумеется, такая «авральная работа» никому не нравилась. Деньги и материалы вылетали, как дым в трубу, а проку – никакого. И тогда опять решили построить новую баню. Но почему-то и на этот раз к делу долго не приступали.

Причина задержки скоро обнаружилась, когда возле универмага заделали фундамент под новое здание городской администрации, что у горожан и вызвало бурное недовольство. И всем стало ясно, что власти думали не о народе, а только о себе, и вместо бани строили, как говорили горожане, «Дворец властителей дум»!

Предвидя такую реакцию, власти и распустили слух, не пора ли разломать старую баню. И вот когда городские власти решили её закрыть, кто-то якобы из жителей утверждал, что скоро её снесут, а на этом же месте построят из бетона и стекла. Людям же, не имеющим дома простого санузда, такое решение властей, естественно, не понравилось. Но против строительства никто не протестовал: дескать, пускай строят, но не лишают их хотя бы на время необходимости помыться. И в соответствующие инстанции возмущённые горожане стали писать жалобы примерно такого содержания: если не хватило ума построить в короткий срок новую сауну, тогда незачем отнимать у народа старую баню. Ведь век корыт давно в прошлом, и как тут было не прислушаться гласу народному...

И что же? Власти добились своего, разве можно было не учесть глас народный, и наконец вменили райжилкомхозу капитально отремонтировать баню, а вместе с ней и весь банно-прачечный комбинат. Ведь на возведение нового ушло бы не только много средств, но и уйма времени.

И пока тянулся этот ремонт, часть бани отвели под склады, куда тайно завезли мебельные гарнитуры для самой большой новой гостиницы, которой дали имя города. Но тайное всегда становится явью. Однажды летней ночью окна второго этажа озарились ярким оранжевым пламенем. Благо пожарная служба оказалась под боком, и поднятые по тревоге три пожарные машины справились с огнём за полчаса...

Однако по городу распространился слух, дескать, сам глава района Алексей Иванович Грабов отругал начальника пожарной части за оперативное вмешательство в его хозяйственные дела. В городе же тотчас сложилось мнение, будто хозяин района имел личные поползновения на один из гарнитуров для своей дачи, а поджогом решил скрыть воровство. Был ли это только анекдот, или истинный факт, однозначного нет ответа.

Но в жизни бывает и не такое. Так что автору лишь остаётся придать невыдуманному событию художественную форму и даже вскрыть их мистический смысл...

Итак, за полтора года баня была приведена в надлежащий порядок. Душевые кабины, ванные комнаты и общие моющие отделения облицованы голубоватой кафельной плиткой. Полностью заменены системы подачи горячей и холодной воды; даже была восстановлена ранее не работавшая парилка; заново проведено электроосвещение. А в цокольном этаже размещалась прачечная, которая, кстати, тоже воскресла из долгого небытия. В бане работала парикмахерская, буфет и даже бильярдный зал...

Правое крыло здания ещё в хрущёвские времена было услужливо предоставлено органам правопорядка для введения в городе медвытрезвителя, получившего в народе прозвище «мойки». И с тех пор это «досточтимое» заведение только тем и занималось, что очень уж усердно обслуживало граждан, которые целенаправленно уклонялись от трезвого и порядочного образа жизни, особенно в дни авансов и получек...

На открытии банно-прачечного комбината присутствовал сам глава района Грабов и толкнул речь, что к этому важному социальному объекту они когда-нибудь ещё вернутся. А пока забота о горожанах для них главное...

Теперь пора заглянуть в баню, которая стояла на широком проспекте Подтёлкова в шагах от Азовского рынка и познакомимся с её удивительным персоналом, которому приходилось слышать нарекания от привередливых клиентов.

Директором банно-прачечного комбината была Инна Платоновна Гвоздина. Ей шёл сорок восьмой год, всегда с весёлыми круглыми серыми глазами, с большим заострённым носом, с пухлыми щеками, с толстыми губами, а ниже подбородка уже образовался второй.

Так что, несмотря на свою весьма полную фигуру, Инна Платоновна передвигалась довольно легко. Причём была весьма общительна, с присущим ей чувством юмора, и при всём своём солидном виде, она казалась, очень простой, лишённой совсем какой бы то ни было спеси и чванства.

После двух браков у неё было трое детей: взрослая дочь и два сына – тринадцати и пятнадцати лет...

До того как получить новое назначение Гвоздина работала заведующей овощной базы, где ей, говорят, за пять лет работы удалось навести порядок. Но вовсе не это звучит фантастично, а то, что она сумела изжить даже воровство...

Когда после ремонта баня открылась, начальник горжилкомхоза Глеб Иванович Воркунов предложил ей возглавить это предприятие. Инна Платоновна дала согласие, так как по уговору с начальством, если она превратит баню в образцово-показательное заведение, то может занять место в райжилкомхозе, а в придачу получит трёхкомнатную квартиру. Она знала, что сделать это будет непросто, но Инна Платоновна его уверяла, что и без всех этих посулов, готова потрудиться как надо, а про обещания Воркунова была готова на время забыть, то есть, как она выразилась, до позитивного результата.

Ну что там говорить о результате, ведь жизнь такая непростая, что ради достижения общей цели, займёшься чем угодно! И пусть она хоть никогда не станет директором престижного магазина или гостиницы, её это нисколько не смущало; зато она хотела доказать всем знакомым, что способна даже захудалую баню превратить в достойное заведение, о котором горожане не могли мечтать, так как в их обывательском сознании оно как было захудалым, таким и останется, впрочем, до сих пор о нём иначе и не думали горожане. А Гвоздиной уж так мечталось переубедить их делом, а не словами...

Но к этому гражданскому подвигу её толкало известное изречение, дескать, не место красит человека, а человек место.

И вот она взялась с удвоенной энергией за вверенный ей объект: в парикмахерскую городской комбинат бытового обслуживания прислал своих мастеров. В баню и прачечную она сама набрала обслуживающий персонал, просмотрев старую картотеку отдела кадров. Правда, это были старые спецы: банщики и банщицы, сантехники и слесаря-ремонтники, которые здесь обитали ещё до ремонта бани.

Впрочем, появились и новенькие, ими оказались молодая кладовщица и кастелянша в одном лице Светлана Земелина, две пожилые кассирши, пять прачек и главный механик Цветков, который жил на той же улице, что и Гвоздина...

Возле его двора постоянно стояли автомобили, которые он ремонтировал. Вот только ей не повезло с электриками, так как за год с небольшим их сменилось уже пять, трое из которых попали на принудительное лечение от алкоголизма, а двое, махнув на неисправимый дух «шараги», ушли сами.

С тех пор в моющих залах и душевых кабинах постоянно не было нормального освещения. Но иногда слесаря подряжались вкручивать электрические лампочки, за что у Цветкова выпрашивали отгулы...

В своём заведении Гвоздина всегда появлялась к восьми часам утра, когда банно-прачечный комбинат уже вовсю работал. В тот день она появилась на работе на два часа позже, в бане же за это время произошли не совсем обыденные явления: банщики и банщицы, пользуясь отсутствием директора и опозданием кассирши, заработали по трёшнице левых; дежурные сантехники с раннего утра на рынке уже успели опохмелиться, и для продолжения опохмела прихватили бутылку с собой...

2

В своём кабинете, обставленном старой мебелью, Гвоздина стояла перед настенным небольшим овальным зеркалом и приводила себя в порядок. Инна Платоновна самодовольно оглядела своё круглое лицо с пухлыми щеками, которые искусственным румянцем напоминали красное яблоко. Затем подкрасила помадой выпуклые губы, напоминавшие два сложенных лепестка розы; обеими руками потрогала надёжность высокой причёски из длинных волос светло-золотистого оттенка, уложенных крупными завитками только что в банной парикмахерской. С причёской всё обстояло великолепно...

Но когда она дотрагивалась руками до этих самых завитков, вспрыснутых лаком, глядя на себя в зеркало, она обратила внимание, что вот уже который год у неё не по-женски толстые пальцы с только что наведённым маникюром. Она демонстративно повертела ими перед собой, пытаясь удостовериться: так ли они страшно толстые? Но тут же этак игриво взмахнула ладонями, дескать, ничего с ними не поделаешь и снова принялась за причёску.

Инна Платоновна с того момента, как обрела этот недостаток, на сей счёт никогда не огорчалась. Ну что поделать, коли утончённость и чувствительность – не её удел. Но зато была довольна тем, что она вполне деловая женщина.

Итак, Гвоздина возглавила коллектив, которому собралась придать здоровый рабочий тонус. Но видя, что её люди поступают не так, как ей хотелось бы, Гвоздина загоралась желанием изменить их привычки. И стоило ей сейчас об этом подумать, как её серо-зелёные глаза загорелись лучистым весёлым блеском, который отражал воодушевление и нравственный подъём...

Инну Платоновну даже не огорчало, что её отношения с мужем не всегда складывались ровно и всё ещё оставались, как любила она повторять, с не достигнутым взаимопониманием. Во-первых, он отличался несколько вздорным характером, который она пока не пыталась исправить, а во-вторых, он не удосужился её понять, когда узнал, с какой лёгкостью супруга согласилась руководить таким ничтожным заведением, каким, на его взгляд, всегда была баня. Но Инна Платоновна нарочно не открыла мужу свой секрет того, на каких условиях она приняла эту должность, чтобы он до конца высказался. И когда услышала, что в его глазах она опростилась, Гвоздина, не теряя чувства юмора, пошла в атаку:

– Как ты можешь так подлю думать?! Да будет тебе известно, я поставлена выполнять благородную миссию.

– Это же какую, лапушка? – спросил муж не без иронии.

– И ты ещё так спрашиваешь, изголяешься надо мной? Да будет тебе известно, дорогой мой, – обмывать весь город от грязи! – и бодливо мотнула головой, прибавив: – Учти, это тоже кому-то надо делать.

– Кончено, лапушка, ты верно подметила! – начал он вкрадчиво и продолжал уже осторожно с паузами: – Но я... не того... не смеюсь, это я так... – и, не желая жене потворствовать, вдруг осмелел: – Но кем ты себя окружила? Ведь под своё крыло собрала всех пьяниц! – съязвил открыто муж.

– Как ты сказал, негодник? – переменялась в лице, задетая за живое Инна Платоновна, надвинувшись всей массой на муженька.

– Но, будя, будя тебе, Инна, да успокойся ради бога! – замахал супруг руками, отступая от неё, чувствуя, что перегнул палку.

– Это ты, негодник, так о моих людях, которым я отдаю часть своей души, чтоб им жилось уверенней?! Нехорошо, Коля, стыдно, Коля, я о тебе думала лучше, а ты меня так непростительно унизил! – с паузами, произнесла она, понимая, что муж был отчасти прав.

Но как она могла признать открыто, что взялась за нелёгкое дело, так как собиралась в корне изменить банную среду, которая сложилась за много лет её существования...

И всё же о своих людях Гвоздина пыталась думать лучше, чем они были на самом деле. Она долго ломала голову, как отучить их от спиртного, и стала присматриваться к стилю их работы. Но узнать о них правду ей было не так-то просто; скоро Инна Платоновна увидела, как они ловко хитрят, заискивают перед ней, так что поймать их на обмане ей не удалось. И она ничего нового не придумала, как только решила пока прибегнуть к проверенному на овощной базе способу премирования сантехников за одно то, что если всю неделю будут трезвыми...

Так она стала приучать их к дисциплине. Трезвыми они оставались только первую неделю. Но она надеялась исправить ситуацию и не опускала руки. Иногда, глядя на сантехников, Инна Платоновна задавалась вопросом: какими они были до того, как начали пить? Конечно, все они когда-то учились, осваивали профессии, заводили семьи, чего-то хотели достичь в жизни. Но когда поняли, что дальше гаечных ключей им не подняться, довольствовались тем, что умели и особо не огорчались на свою судьбу.

Но если не разочарование в себе, то, что их надорвало изнутри? Думать ей тут особо не приходилось, так как судьбу направлял не только сам человек, но и весь уклад того образа жизни, какой сложился кругом. И всё же они стали нескладными, разболтанными, с опухшими лицами, с ранними морщинами, исключительно по своей вине. И кого-либо порицать в своих несчастях им было бы просто несправедливо.

И вместо того, чтобы осуждать сантехников, она им сочувствовала и даже стремилась вникнуть в их жизнь, что не мешало ей относиться к ним вполне терпимо. Они казались директору духовно надломленными, и оттого к ним требовалось особое внимание... Когда её за глаза стали называть «мамой», она, услышав об этом от кастелянши, даже испугалась:

– Света, это за кого они меня тут держат? – спросила она у Земелиной, округлив шутливо глаза, и этим скрыла свой испуг.

– Инна Платоновна, это они из большой любви к вам! – засмеялась та.

– Да что ты говоришь?! – хлопнула та ладонями. – небось о своих матерях и думать забыли, а тут мне спектакли разыгрывают.

– Нет, честно, ребята вас очень уважают, так и говорят: «мама наша классная, мы её не дадим в обиду нашим орёликам», – и Земелина рассмеялась, и её плечи, обтянутые белым халатом, в такт этак запрыгали.

Инна Платоновна на её утверждение только задумчиво покачала головой, и про себя подумала, наверно, не зря считала себя истинной благодетельницей. Ведь эти люди, некогда вышедшие из мест заключения, могли вообще остаться без работы, а значит, им опять была одна дорога – в зону. К тому же сантехники слыли неплохими спецами своего дела. Разве могла она им отказать в работе только потому, что они сильно пили? Но есть ли вообще в природе не пьющие сантехники, желала бы она увидеть хотя бы одного, как образец для исправления своих подопечных.

Впрочем, в прачечной хозяйничали слесаря Квасов и Пегин, которые на работе якобы не выпивали. По крайней мере, ей всё ещё не удавалось увидеть их пьяными. «Ох, как бы эти умники, все премии у меня не потребовали», – озадаченно подумала она, и решила перед ними не распространять свои «поощрительные обещания».

На овощной базе грузчиков и рабочих она отучала от воровства введением двойных премиальных. Если кого ловила, тот лишался полностью вознаграждения. И воровство резко сократилось...

Но тут Инна Платоновна отвлеклась от своих мыслей о персонале и продолжала рассматривать себя в зеркало. Она смотрела на свой двойной подбородок и нисколько не унывала, что не лишала себя хорошо поесть, для чего с буфетчицей наладила «деловой контакт». На свой возраст Гвоздина также умудрялась закрывать глаза, считая себя по-прежнему моло-

дой. Хотя на её гладком свежем лице поблескивал искусственный румянец, и пока ещё далеко было до того времени, когда женщины начинают задумываться о первых приметах увядания. И она собой искренне восхищалась, держа голову самодовольно, и оно светилося в её голубых глазах и делало молодой и уверенной в себе. И это чувство позволяло ей часто пребывать в приподнято-бодром настроении.

Правда, иногда Гвоздину серьёзно огорчала дородная фигура, которая придавала ей несколько грозный и матёрый вид. Впрочем, и это её несильно печалило. На ней было лёгкое из японского шёлка элегантногo покроя платье, оно искусно скрывало чрезмерную полноту её фигуры. А весёлая расцветка и модный фасон (который больше подходил молодым женщинам), делали её и впрямь моложавой, что не тут же можно было определить её настоящий возраст.

Итак, осматривая своё солидное отражение в зеркале, Гвоздина прикидывала, что же она намечала сделать в этот чудесный солнечный день? Дело в том, что свою работу она никогда не планировала, стараясь толкать её усилием всего коллектива. Но много хлопот ей доставляли вечно пьяные сантехники, которые, по мнению Инны Платоновны, самый удивительный народ. Обход служб комбината она начинала с подсобки сантехников, которая размещалась сразу при входе в баню со двора.

У них там вечно собирались подозрительные типы. Но от сантехников эти люди отличались лишь тем, что нигде не работали. Эти бездельники давно отбились от своих семей, а в последнее время они превратили баню в ночлежку. В этих ночных и дневных сборищах Гвоздина стала усматривать опасное явление, и это при всём при том, что бомжам она иногда сочувствовала, поскольку в силу своей запущенности те уже перестали быть полезными обществу. И на ночлежку, бывало, закрывала глаза.

Но когда представила, что они могут устроить пожар, и превратить баню в злостный рассадник пьянства, она решила бороться с позорным явлением. И уже второй месяц выгоняла собутыльников банщиков и слесарей. Хотя отлично понимала, что извести пьянство в стенах бани одними запретами очень трудно. Ведь это так недолго запретить клиентам приходить мыться, которые тоже несли спиртное. Да и при бане вольготно работал буфет, который предлагал от пива до коньяка, а банщикам того было и надо, и они днями ходили пьяные. Однажды в обед она заглянула в прачечную, где женщины тоже устроили складчину, мотивируя застолье чьим-нибудь днём рождения.

– Это что же вы, голубушки, в рабочее время горячите себя, или мужья дома не дают? – заметила она шутливо.

– Платоновна, за дни рождения с мужей особый спрос, а тут мы сами... и вы присаживайтесь к нам, – затараторили прачки.

– Ой, спасибо, и рада бы, да мой сан не позволяет. Но смотрите, мне, о работе только не забываете, – и она пошла своей дорогой.

И теперь она лишний раз убедилась: ой, да как же не просто было держать своих подчинённых под неусыпным контролем. И с этого дня для директора это стало первостепенным делом. Отметить какое-нибудь семейное событие в рабочем кругу она ещё допускала, но чтобы не более того. Хотя понимала: её запреты для тех же сантехников, как мёртвому припарка...

Порой Гвоздина искренне недоумевала: вроде бы здоровое общество пьяниц не терпело, однако питейные заведения были почти на каждом углу. И выходило, что в целом пьянство даже кому-то было выгодно, не зря же оно так быстро разрасталось в последние годы. Собственно, горе-выпивохы сами по себе не так страшны, как те условия, которые их порождают. И кто их создавал как не сами власти, которые вели простой народ не к процветанию, а к обнищанию, так и не сумев вывести общество на светлую дорогу. Предприятия выпускали вещи, предметы быта убогие, и во всём отставали от всего цивилизованного мира. Народ это понимал, слагал о власти анекдоты, которая только и умела, что выпускать не лучшего качества

алкоголь, распространив его доступно, чтобы пьющему обществу трудней было разобраться в серьёзных промахах строительства социально-убогого строя...

Так ли это было, но Гвоздина опасалась признать ситуацию как вопиющий факт, хотя вполне допускала, что неблагополучия общества исходят от таких, как Крайнев, у которого, по его словам, когда-то был в селе дом и нормальная семья. Но так сложилось, жена с двумя детьми от него ушла, а он от горя напился и спалил свой дом. С той поры повела его кривая вдоль и поперёк, пока не угодил на принудительное лечение. А потом втянулся в воровство, и попутно ухватил ещё срок на два года. Вышел из зоны, получил паспорт и впустую обивал пороги предприятий, так как ему отказывали в устройстве на работу, пока в пивбаре случайно не наскочил на старого друга и однокашника Трухина, с которым некогда учился в профтехучилище. И тот подсказал Крайневу обратиться в баню:

– Приходи, Лёня, мама наша баба добрая, возьмёт тебя со всеми твоими потрохами, от которых шарахаются в других конторах. Сам это знаю по себе! – Трухин весело и добродушно рассмеялся, похлопал закадычного кореша по плечу.

Крайнев был достаточно высок: лицо овальной формы, скулы немного выпирались, прямой подбородок, удлинённый расширенный книзу нос, большие светло-голубые глаза располагались ближе к переносице, и впивались в собеседника с таким нагловатым бесстыдством.

– Ну, братуха, на всю жизнь выручил, приду! А то уже некуда деваться, менты, по пятам так и шастают! – протарахтел Крайнев, крепко пожимая руку Трухину, одетому в новенький костюм бежевого цвета и посматривал на приятеля маленькими прищуренными серыми глазами с восточным разрезом. Трухин был коренастым и в плечах широким, смотрел на друга как-то сосредоточенно торжественно и не без лукавства, оценив враз настоящую сущность теперешнего кореша, любившего женщин, по его выражению, как кот сметану.

Чтобы войти к Трухину в доверие, Крайнев красочно рассказывал о своих похождениях на зоне и по выходу из неё, сопровождая это и руками, и вертя глуповатыми глазами, и то выпрямлял спину, то сутулился, то подавался вбок, то назад, то всей грудью наваливался на стол...

Крайнев пришёл в баню на следующий день, Трухин привёл его в кабинет Гвоздиной. Та радушно выслушала молодого мужчину. Инна Платоновна оценила наружную привлекательность парня, его распахнутую душу, чем он и пришёлся ей по душе и был принят на работу по роду своей деятельности.

Потом она по телефону позвала к себе Цветкова и только он вошёл мешковатой прихрамывающей походкой, как она с ходу того резво оповестила:

– Вот, Александр Кириллович, люби и жалуй! – представила она широким жестом Крайнева. – Принимай пополнение своему полку!

– Это хорошо, мне Трухин уже сказал о своём... э-э, протеже, – бодро пробасил главный механик, оглядывая сверху вниз рослого Крайнева. – Пойдём, Леонид, расскажу по пути наши условия, – дружелюбно улыбаясь, пригласил тот крепкого молодца.

И когда они выходили в коридор, к директору быстро летела Земелина; при виде рослого молодца она заметно убавила шаг. Крайнев это оценил и проводил ладно сбитую женщину любопытным взором, посмотрев ей даже вслед...

В тот памятный для Крайнева день в слесарной мастерской были Трухин и его напарник, Ефрем Блатов. Примерно одного возраста – обоим около тридцати, правда, Крайневу уже повернуло на четвёртый десяток. Блатов был тоже высок, однако не по годам по тёмно-русой голове лезла проседь, которая нехотя накидывала ему лишние года. У всех троих лица отягощены пьянством, что пагубно сказывалось на их внешнем виде. А у нормальных людей, глядя на них, вызывало брезгливое отвращение.

Сантехники дежурили в бане через день, зато огинались там с пришлыми почти сутками. В последнее время Гвоздина стала путать дни их дежурств, что не сразу могла определить: кто,

к примеру, дежурил сегодня: Крайнев, Блатов или Трухин? Ведь при обходе бани она заставляла в слесарной мастерской всех троих, да ещё за компанию с ними засиживались чужие, при виде которых у неё леденело сердце: до каких же пор они будут здесь околачиваться? И немного успокаивалась, когда видела, как под её хмурым, напускным взглядом чужаки невольно тушевались. А её молодцы придумали вот что: повесили за верстаком карту двух полушарий Земли, чтобы за ней, как за ширмой, могли укрываться от её зоркого ока собутыльники. И это вместо того, чтобы изучать по карте географию, некогда упущенную в школьные годы...

Однажды Гвоздина сама от души посмеялась над устроенной слесарями потехой, когда увидела, как трое участников их попойки прятались за натянутой на проволоке картой.

– Братцы, да кто же это там у вас за Америкой прячется? Вижу, всё равно вижу, голубчиков! Нечего прикрываться Америкой, как фиговым листом, – произнесла она приподнято с улыбкой на весёлом лице, и довольная своей такой удачной шуткой.

– Что вы, Платоновна, это тени с улицы падают! – возгласил Крайнев, тараща на Гвоздину свои луповатые глаза.

– Да, Платоновна, это в Костин закуток чешут на пивко шаромыжники! – отрезал лукаво Блатов сиповатым голосом, зная, что как раз из их окна была видна пивнушка, которая притулилась к бане. И там же размещался медвытрезвитель, куда и препровождали людей, которые теряли человеческий облик.

– Ой, это вы меня хотите на мякине провести? Сейчас вот уберу вашу ширму, и тогда увидите, – не унималась директор. – Да вон же чьи-то руки просвечиваются?! Вот что, за руку я никого не буду выводить, но чтобы этот маскарад я видела последний раз! Я сейчас пойду, а через пять минут, – глядите мне, – вернусь и проверю, тогда на меня не обижайтесь... – погрозила она пальцем и прибавила: – Тогда, голубочки, на себя пеняйте!

Она уже всех пришлых знала даже по именам, ведь со всех окраинных улиц в баню стекалась разная шантрапа. И каждый день тут крутились всё новые и новые испытые лица.

Инна Платоновна не помнила такого утра, чтобы её слесаря или банщики были трезвыми, хотя бы до восьми часов утра. И теперь она вообще не могла представить таковыми ни Трухина, ни Блатова, ни Крайнева. Да и сам Цветков к концу дня надирался почти в стельку.

Зато слесаря из прачки на этот счёт были неуловимы, и хоть в этом для неё являлись маленьким утешением. Собственно, они пили, но голову не теряли, и о них она беспокоилась меньше всего, так как на виду не крутились и посторонние у них не ошивались.

И когда собиралась провести очередной утренний обход служб банно-прачечного комбината, Гвоздина редко закрывала свой кабинет на ключ, который частенько торчал в замочной скважине двери как признак её не ротозейства, а безоглядного доверия, что всем она верит и всех уважает.

Вот и сейчас, не успела она переступить порог, как по широкому коридору навстречу ей топал своей мешковатой походкой, слегка припадая на протезную ногу, главный механик Цветков. Как инвалид войны, он владел автомобилем «Запорожец» и к тому же, как было уже сказано, являлся ещё отличным авторемонтником.

– Здравствуй Платоновна, – пробасил дружелюбно Цветков, несколько отдышавшись, лицо у него уже с утра было подозрительно красным. Догадываясь о происхождении её цвета, Гвоздина ещё внимательней присмотрелась к главному механику, изрекая своё приветствие на весёлой ноте:

– Доброе утро, Александр Кириллович! Что-то случилось? У вас такой вид, будто только вышли из атаки...

– Верно, Платоновна! Вы в точку попали, только что поступил стиральный порошок, – с одышкой произнёс тот почти радостно, опережая Гвоздину с её догадкой.

– Вот и хорошо, эта партия по моей заявке! Ну, живо выгружайте, или снова ждёте моего распоряжения? – нарочито удивлённо протянула она.

– Платоновна, склад уже забит до отказа. Земелина говорит: куда хотите туда и девайте! – вскипел он, состроив жалобную мину.

– Я задам ей трёпки, что значит, «куда хочешь», на склад и никаких гвоздей! – твёрдо отчеканила директор, тотчас побагровев.

– Платоновна, просьба есть: выпиши ребятам за разгрузку хотя бы на бутылку. Значит, вчера выгружали машину. И вот сегодня... значит, того... уплату требуют, вот оно какое дело!

– Я им выпишу, я им выпишу, прохвостам, другое!.. – бросила сердито Гвоздина, и её серые выпуклые глаза слегка потемнели. Даже когда она гневалась, то и тогда её лицо выражало непоказное добродушие, и гнев сменялся иронией.

Гвоздина хлопнула дверью кабинета, провернула ключ, на этот раз она его вытащила, полагая, что теперь сюда вернётся не скоро, поскольку нужно самой стоять и наблюдать за выгрузкой стирального порошка, чтобы ни в коем случае не растаскивали на сторону. Ведь Цветков на выгрузку смотрел сквозь пальцы, ему бы дожидаться выпивки, а следить за порядком не в его характере. Впрочем, за порошок он не отвечал, и лишь мог организовать разгрузку. Хотя кто и за что у нас отвечал персонально? Как что-то случится, то виноватый не находится.

Уже сколько раз Гвоздина выговаривала Цветкову, чтобы тот не вёл себя со слесарями панибратски. Но это назидание не шло тому впрок; всё равно почти ежедневно распивал с ними вино; даже иной раз в картишки перебрасывался, поэтому трудно было отличить подчинённого от их начальника.

– Александр Кириллович, когда у нас будет электрик, ну совсем в бане стало темно, хуже, чем в подвале, – они как раз проходили по затемнённом коридору, где светила посередине всего одна тусклая, донельзя грязная лампочка. А другие плафоны из матового стекла давно погрузились во мрак, и под потолком лишь мерцали белыми пятнами.

– Понимаете, я уже достаточно учёный, кого зря брать не хочу, – ответил Цветков. – А порядочного, сами знаете, сколь нелегко к нам заманить маленьким окладом.

– В таком случае, поручите слесарям работу электрика. Неужели так трудно вкручивать лампочки? А то скоро клиенты перестанут к нам ходить или хлынут на нас их жалобы. Вы хоть об этом подумали, кому нужны неприятности? Или вы только о своих машинах думаете? – она остановилась и так лукаво взглянула на Цветкова, что тот невольно крикнул, вобрав голову в плечи.

– Это, конечно, ваша правда, но слесарей просить на это я не вправе. Допуск нужен. Забудут выключить напряжение. Полезут под градусом, да ещё кого-то током убьёт, а кому тогда перед законом отвечать? Нам с вами! Вот какое поганое дело. Так они, парни, не дураки. Втихарях-то я их прошу, и своей головой рискую. За десяток вкрученных лампочек всегда просят отгулы, особенно Трухин. Ему, понимаешь, клубничкой надо поторговать или цветочками...

– Вот какая беда, всюду свои prerogatives, что ты сделаешь с такой жизнью! – сокрушённо посетовала Гвоздина.

– А вы бутылку им посулите, так мигом станет везде светло! – усмехнулся широко Цветков.

– Ну, за бутылку и поп, поди, от Бога отречётся, – мрачно пошутила она. – У нас без бутылки дела никак не идут, что за смазочное время настало? И вижу, что вы с ними заодно...

– Да, такая вот жизнь пошла – не нами придумано!

– А тогда кем же? – бросила та с вызовом. – Ну ладно, вы идите, идите, а я пока загляну в буфет...

И Цветков грузно поковылял в одиночестве дальше к заднему выходу из бани, где во дворе около машины, гружёной стиральным порошком в бумажных мешках, сгрудились люди, поджидая Цветкова.

Когда он, наконец, показался из тёмного проёма бани на солнечном дворе, к нему с ходу подлетел Крайнев:

– Кириллович, получилось, мама согласна? – протарахтел он, сверкая алчно плутоватыми глазами.

– Вот сейчас она сама подойдёт, и потолкуйте с ней ладком, – как бы недовольно проворчал Цветков. – Чего стоите – давайте носить, всё равно она с вас не слезет!

– На халяву я не буду, не дурак! – отрезал Трухин. – Сколько можно...

– Братцы, сейчас я попробую маму уломать! – вскричал Блатов сиплым тенором, и ретиво потрусил в баню, вобрав голову деланно в плечи, строя из себя некоего заштатного шута.

Этим временем, переговорив с буфетчицей Тасей, чтобы та ей оставила палку копчёной колбасы и кусок отварного мяса, Гвоздина попутно переговорила с банщицами, которые ей докладывали о своих каждый день возникавших проблемах: то гладить стиранное бельё некому, то утюг перегорел, то вентиляции до сих пор нет, обещая всё решить...

Наконец она неторопливо пошла дальше. И уже почти на выходе из бани, чуть было не столкнулась с Блатовым, который мчался на неё, как ломовая лошадь.

– Фу, кто это прёт на меня буром? Ефрем, никак ты? – удивлённо возгласила она, и слегка попятилась назад.

– О, Платоновна, я за вами, извините, Платоновна, не зги не видать! – прохрипел тот сдавленно. – Только на солнце стоял, теперь в помещении совершенно ослеп! – и крутился вокруг Гвоздиной волчком.

– Да чего ты, как заводной? – засмеялась Инна Платоновна. – Да остановись, или тебя так винные пары взнуздали?

– Платоновна, за всё надо платить, сколько можно нас за дурачков держать, мы же тоже люди? – завопил нарочно тот жалким осипшим голосом. – А то у меня от этого порошка залысина появилась.

– Ах, какой нахал, я вам бесконечно делаю поблажки! Это вы на мне, как на дурочке едете верхом! Вас там пять мужиков, можно вагон разгрузить играючись. Вы же целыми днями бьёте баклуши, а если бы работали, наверное, так не пили бы?

– Верно, Платоновна, мы можем всё, но только плати бабки... Мы знаем какие должности входят в штатное расписание...

– На что ты намекаешь, Ефрем? – уставилась директор в оторопи на слесаря. – Ну, вот так всегда, с вами по-хорошему, а вы наглее сверх всякой меры... Пошли, пошли, сейчас я раскрутку дам всем...

Во двор из прачечной вышли несколько женщин лет по сорок-пятьдесят, все в белых халатах.

– А где ваш слесарь Квасов? – спросила у них Гвоздина. – Чего он там засел, бездельник? – прибавила она.

– Я вот уже иду, Платоновна, – вяло проговорил, показавшийся в проёме дверей Квасов, рыжеголовый, со спокойными чертами лица, слесарь прачечной.

– Ага, лёгок на помине! Александр Кириллович, у тебя есть при себе деньги? – тот неохотно кивнул. – Вот и отлично! Дай этим гаврикам десятку, а с тобой я рассчитаюсь после...

– Я, разумеется, дам, но вы мне верните к двум часам, повезу движок на перемотку... везде надо платить наличными. А как вы думали? – и деланно развёл руками.

– Давайте лучше приступайте выгружать, я уже ничего не думаю! Чем меня можно удивить, поработав с вами? – засмеялась Гвоздина, прищуривая от яркого солнца глаза.

Кладовщица Земелина, довольно симпатичная, круглолицая молодая полноватая женщина, принимала мешки в своей кладовке, нацепив на лицо марлевую повязку. Укладывать мешки ей помогал Крайнев, её нынешний обожатель, с которым она этак самоотверженно разделяла совместный угол прямо в бане...

Когда Гвоздина ещё только подходила к складу, она стала той жаловаться, и в её тоне звучали нотки недовольства:

– Инна Платоновна, я вам недавно говорила, что ко мне нельзя, завтра у меня откроется аллергия, снова пойду на больничный, потом сами будите отчитывать, что я ничего не делаю, а деньги наравне с вами получаю?

– Ничего, Света, во-первых, я так говорю не всегда, а во-вторых, ты в кладовке не сиди, что надо выдай и уходи, – успокаивала добродушным, ровным тоном Гвоздина. – Кстати, почему это у тебя на табак нет аллергии, а он ведь отменный аллерген! – смеясь произнесла она, сияя глазами, и её лицо без того крупное, от смеха, – расширилось.

– Ну, как я могу это знать, ведь я не доктор?! – обиделась Земелина, нахмутив широкие брови, собрав их к переносице.

Гвоздина, как бы извиняясь за свою солоноватую шутку, погладила Земелину по округлому плечу. Потом, расширив в неподдельном удивлении глаза, она произнесла:

– Света, если весь порошок отдать в прачку, его растащат, а потом нам с тобой отвечать, – говоря так, вовсе не для красного словца, а соблюдая справедливость, Гвоздина норовила делить ответственность поровну. Вот также и на овощной базе она приучала грузчиков радеть о каждом овоще и люди из уважения к ней, старались не подводить её...

Когда порошок разгрузили, и машина ушла порожняком, Гвоздина проглядела, куда успел исчезнуть Блатов, которому при ней Цветков дал из портмоне червонец.

– Это куда Ефрем подевался? – спросила у Трухина, который обмахивал свои брюки от въевшегося в ткань белого порошка. – Кажется, он сегодня дежурит? И почему на третьем этаже в душевой кабине до сих пор не исправлен кран, вода льётся беспрерывно! – но тут она повернулась к Цветкову: – Вот, Александр Кириллович, я уже стала исполнять ваши обязанности, коли вы стараетесь ничего не замечать, – полусерьёзно заметила она.

– Что ты, Платоновна, сегодня дежурит Крайнев, вот с него и спросить пора. Я ему уже говорил. Вы зря нападаете на меня, а Ефрем как раз сменился вчера, – вмешался поневоле Цветков.

– А, ну тогда всё понятно, десятку отвалили, и Ефрем уже на посылке в магазине! – печально констатировала она.

– Платоновна, я поеду для котельной насосы получать. А то скоро у Шустрина на подмену не будет. И в прачку выпишу ещё одну машину...

– А двигатель когда повезёте? – улыбнулась директор, думая, что тот уже об этом позабыл.

– Это после обеда сделаю, Платоновна, – вяло махнул тот рукой, стараясь не встречаться с ней глазами.

3

На своём красном «Запорожце» Цветков укатил по служебным делам, а сантехники гуськом удалились в слесарку. Земелина прямо в кладовке уселась составлять отчёт для бухгалтерии, невзирая на то, что недавно жаловалась Гвоздиной на непереносимый ею стиральный порошок.

Сама же Гвоздина, не отступая от своего заведённого правила, спустилась в прачечную, где стояла вечная сырость, и скапливался мыльный пар. С улицы в маленькие полуподвальные оконца света пробивалась недостаточно, а электрического освещения было подавно мало. Сквозь парное облако, под самым потолком, в три ряда слабо мерцали жёлтым светом матовые стеклянные плафоны. В своём заданном ритмическом гуле вращались стиральные машины и, пронзительно визжа, крутились центрифуги. И сквозь этот монотонный сильный шум электродвигателей, какими запускалось всё это оборудование, пробивались звенящие медью голоса прачек в белых халатах.

Слесарь Квасов гаечным ключом увеличивал натяжение ослабленных ремней на стиральной машине, поскольку та вдруг перестала вращать барабан. Гвоздина неторопливо обошла прачечное отделение, переговорила с женщинами. Они опять жаловались на то, что до сих пор нет хорошей вытяжной вентиляции. И как только она это услышала на её мясистом пухлом лице изобразилось непритворное чувство огорчения.

– Какое безобразие! – возмущённо выпалила она. – Цветков уехал, а сюда не спустился! Вот придёт я.., – она не договорила, сказав: – но сколько можно, сколько можно напоминать одно и то же.

– Мы все знаем, что Цветков ремонтирует машины, а мы ему разве нужны? – сказала симпатичная, с милым лицом полнотелая прачка.

– А вы его увольте, – сказала рыжеватая, с веснушками. – У нас нет незаменимых.

– Ах ты умница какая! А ты мне скажи: все ли разбираются так, как Цветков? – бросила Гвоздина, а про себя подумала: «Если уволить Цветкова, тогда некому будет следить за оборудованием всех служб комбината и самой бани. Ведь на место Цветкова подобрать подходящего человека мне всё равно не удастся. А он, негодник, это хорошо понимает и умело пользуется моей слабостью и выдумывает разные причины как бы смыться из бани для устройства личных дел»?

– А что он тогда не сделает вентиляцию? – спросила опять первая.

– Да я же забыла... Александр Кириллович поехал за движком... для вентиляции. Вот и уладили проблему. Но, учтите, я с него не слезу, пока в прачке не заработает вентиляция. Ну всё девоньки, работайте, а я пошла...

Всякий раз, когда Гвоздина обходила службы бани, она делала замечания уборщицам, которые не всегда поддерживали чистоту во всех помещениях.

– Это что ж, милые, вы тут грязь развели? А если клиенты пожалуются, кому влетит? А премию просите.

– Ой, Платоновна, я за хлоркой и порошком для кафеля ходила к Земелиной, – оправдывалась с узковатым лицом банщица.

– Все вы умеете оправдаться! Да ну вас...

Вот и Цветков, обещал установить в прачечной вентиляцию. По его словам, всё дело упиралось в проектную документацию, которая не соответствовала расположению прачечной. Но как не пояснял ей Цветков, в чём причина установки новой вентиляции она так и не смогла разобраться. Гвоздиной же казалось, что тот просто морочил ей голову, пользуясь её технической безграмотностью, поскольку иногда полдня отсутствовал в бане. А сам, видно, преспокойно улаживал свои дела.

Он хорошо владел ремеслом автослесаря, перед его двором вечно стояли автомобили, которым требовался ремонт. Вот и получалось, что в банно-прачечном комбинате он только числился главным механиком, и не чаял, как дотянуть до пенсии.

Покачав в задумчивости головой, надышавшись сырым, спёртым воздухом горячей прачечной, Гвоздина ушла восвояси.

Женщины-прачки понесли выстиранное и просушенное центрифугой бельё, наверх, в гладильное отделение. Прачки уже привыкли к повышенной влажности и грязному воздуху, уже почти не надеялись на улучшение условий труда.

Слесарь Квасов, воспользовавшись, что остался в прачечной один, бросил свою работу, выхватил в своей каморке из-под топчана ведро и тотчас побежал к большому глубокому тазу, наполненному до краёв стиральным порошком, и быстро стал загребать в ведро. Набрав его доверху, он бегом помчался с ним в свою мастерскую, где пересыпал порошок в целлофановый мешок. Затем спрятал его в надёжное место, и как ни в чём не бывало с гаечным ключом, поплёлся доделывать стиральную машину.

С верхними, – так он называл сантехников бани, – Квасов окончательно перестал ладить после того, как некогда они заняли у него денег, а с отдачей почему-то долго тянули, говоря, что отдадут в зарплату и старый и новый долги, но, получив зарплату, про них опять почему-то забывали. И тогда он перестал выдавать им кредиты, за что сантехники окрестили его «рыжим жмотом».

Для Гвоздиной эта вражда была даже на руку, так как хоть одного она всегда заставляла трезвым. Однако сантехники не терпели, когда она Квасова ставила им в пример, и тогда они обрушивали обвинения в адрес её любимца:

– Платоновна, кто, Квасов ценный, незаменимый работник? – вскричал однажды Крайнев. – Да он куркуль, каких я не видел даже в самой станице Кривошеевой! У него снега среди зимы не выпросишь.

– Зато таких, как вы, развелось очень много! – и она гордо вскинула голову, как бы давая понять, что и впредь будет ценить Квасова. Хотя в душе она сожалела, что из-за остальных слесарей в глазах городской общественности баня считалась отсталой шарагой. Это позорное клеймо «шарага» она получила за многие годы, а значит, оно непроизвольно падало и на работающий в ней персонал, во главе которого стояла она, Гвоздина. А ведь помимо общественности, которой подавай сауну с интерьером, о бане бывало, плохо отзывались студенты, рабочие и даже пенсионеры. Но так как ничего лучшего предложить пока не могли, многие из них продолжали пользоваться её услугами.

Гвоздиной порой так не терпелось задать чванливому субъекту один и тот же вопрос: не упал ли после мытья в бане их авторитет? Она даже видела, как иные дотошные клиенты из числа сварливых дам и стариков втягивали ноздрями влажный воздух, при этом в их глазах читалось одно, здоров ли в старом здании баннй дух? И придирчиво разглядывали не столь эстетичный интерьер, отчего невольно кривились. А потом с сожалением безнадежно вздыхали, покачивая головами, находя здесь дурным всё, что уже безнадежно устарело. Однако лучшего выбора у них не было, они смирялись с тем, что предлагала им заботливая о чаяниях народа, власть, ведя их в призрачное будущее...

«От чего же баннй дух не будет здоров, – мысленно иронизировала она. – Баннй дух самый здоровый и делает вас чистыми, господа студенты, пенсионеры и рабочие. Вы грешите в миру. А он Вас отмывает от греховной накипи. Вы здесь его оставляете, а баннй дух очищает...».

Бывало Инна Платоновна наблюдает за клиентами и незаметно для себя перевоплощается в привередливую посетительницу бани. И однажды она честно себе призналась, что испытала отвращение только оттого, что залы бани эстетично не оформлены. И только по этой причине её ничто тут не заставит помыться. Но она забыла, что пребывала в роли заурядной

клиентки и ей больше некуда идти. А ведь банный дух оздоравливает организм, придаёт ему молодой тонус, и само собой изгоняет хронические болезни...

Гвоздина постоянно напоминала банщицам, чтобы насухо протирали полы, выложенные в шахматном порядке разноцветной керамической плиткой по всему длинному коридору, по ходу которого слева и справа размещались душевые и ваннные кабины, которые размещались на втором и третьем этажах. После каждого вымывшегося клиента, будь он молодой или древний старик, она заставляла тщательно промывать все помещения дезинфицирующими средствами. Но и это не изгоняло из них какой-то тлетворный дух, который не всегда вытеснялся банным. А всё потому, что банщицы ленились исполнять свои обязанности.

– А нам за это не платят! – ворчали они недовольно ей в ответ.

– Ух, какие вы умные, да будет вам известно, клиенты платят бане! И баня соответственно за труд платит вам! – отчеканила им Гвоздина. – И мы же в ответе за здоровье горожан!

– Да, но жалкие гроши мы тут получаем, – буркнула одна.

– У нас это знают даже тараканы, – подтвердила вторая, как фукнешь хлорочки, так бегут, милые, в рассыпную.

– Вот какие мастера прекословить, что ты с ними сделаешь! – Гвоздина знала, что банщицы и банщики не упускали случая сорвать с клиентов лишний гривенник.

В бане часто возникали очереди, особенно в душевые и ваннные кабины. И пока одни мылись, другие ждали своего черёда: кто в бильярдной, кто в буфете, а кто на месте, перед своим очередником. Вот освободили кабинки, клиенты чистые, сияющие, как вновь народились. Но такое ощущение близко для тех, кто побывал в парилке. Любому человеку в какой-то мере присуще чувство брезгливости, казалось бы, в этом отношении мы должны понимать ближнего, однако это доходит с трудом, потому как завидуем счастливчику, что он счастливее, а вот о несчастливом не думаем. В тот момент, когда нам заходить в душевую кабинку, приходит догадка, что из бани он вышел с чистым духом, а грязный оставил как бы в придачу к нашему. От этого нас и воротит, что ещё от своего нечистого духа не избавились, а тут нам предстоит напиться чужим, который незримо смешается с нашим духом? Впрочем, некоторые об этом даже не догадываются, но зато им подсказывает инстинкт брезгливости, который не торопит их переступить порог душевых кабинок. А в это время банщица велит им пройти в кабинку. Но они ждут, когда она произведёт уборку, чтобы подавить нашу брезгливость. Видя, что один клиент совсем замешкался, будто и впрямь узрел в душевой кабинке не банный дух, а нечистый, и тогда банщица кричит ему:

– Заходи, сынок, или тебе надо особое приглашение?

– А вы потрудитесь вымыть кабину! – требовательно настаивает клиент на укрощение брезгливости.

– Если я буду мыть для каждого, тогда вы до самого вечера не дождётесь своей очереди, а за вами – целая пропасть народа...

– Я прошу, исполните свой долг подобающим образом! – стоял упорно на своём клиент.

– Пришёл мыться, вот и ступай, смотри какой барин: все идут – ничего, а он один викибрики!

– Я буду жаловаться директору! – и он пошёл принципиально и вскоре привёл с собой Гвоздину.

Но банщица, не желая на себя навлечь неприятностей, этим временем наскоро уже протёрла душевую кабину, и с хмурой, сердитой физиономией встретила директора в сопровождении обиженного клиента.

– Вымыла – заходи, барин! У меня же не сто рук, подождать не могут, сразу бегут жаловаться! – и покачала головой, как праведница.

– Вот и хорошо, я же вам сказала, всё уладится само собой! – И Гвоздина подобострастно улыбнулась молодому человеку. А тот, словно пристыженный и уличённый в несправедливо-

сти, резко шагнул в душевую кабину с тонкими подгнившими деревянными перегородками, как в свой обретенный рабочий кабинет. Он быстро затворил двери, пребывая в сердитом онемении, вдыхая дух истлевающей от грибка чёрной древесины.

Но через пару минут, клиент вдруг высунулся в приоткрытую дверь и окликнул банщицу:

– Эй, бабуля!

– Ну что ещё тебе не хватает, родной? – на ходу проговорила та подобревшим голосом, так как только что пропустила одну супружескую пару в ванную комнату, а двоих мужчин – в душевую кабину и от всех получила вознаграждение. И вот этот тоже прозрел, бросил банщице в подол какую-то монету, где у неё тотчас инстинктивно сомкнулись ладони. Но сначала она испугалась, так как между сложенных ладошек она ощутила отнюдь не прикосновение холодной монеты, а некую мерзкую тварь. Её руки непроизвольно разжались, и на плиточный пол со звоном, сверкая, полетел полтинник. Банщица, не медля, подняла его и тотчас же на её морщинистом, простоватом лице изобразилось радостное просветление от странного поступка клиента. Она рассмотрела внимательней монету и заулыбалась, говоря про себя: «Вот так бы давно и никто бы тебе, мил человек, не грубил».

Но в этот момент одинокий молодой клиент вышел из ванной, в которую она уже наметила впустить ещё одну супружескую пару, у которой она, прежде чем запустить, попросила паспорта, действительно ли та состоит в законном браке. Однако, к несчастью, у молодой четы их при себе не оказалось, на что банщица сокрушённо развела руками, мол, тогда не положено. Но молодой человек живо отвёл её в сторонку и, убедительно что-то пояснил, и украдкой для посторонних сунул ей трояк в карман халата. Банщица, премного довольная, кивнула смекалестому клиенту в знак согласия, и через минуту счастливая молодая пара ступила в ванную.

Подобных сцен, описанных выше, за день можно было наблюдать бессчётно, о чём, конечно, Гвоздина могла только догадываться, поскольку на этот счёт, среди банщиков и банщиц существовал, как и везде, где хотят подзаработать, негласный сговор умолчания о своей побочной прибавке...

4

Когда к полудню Гвоздина управилась со всеми внутренними делами, она снова появилась в своём кабинете. Теперь можно было пойти в город: посетить архитектора, зайти в райжилкомхоз, в горжилуправление, чтобы снова к трём часам вернуться в баню, и ещё раз совершить обход своих владений...

Спущенный сверху план её почти не волновал, поскольку он был конкретен к тем условиям, в каких работала баня, и ничуть не отражал точное количество клиентов, которые посещали баню в течение одного дня. Но как бы там ни было, план есть план, и его надо было выполнять и в любом случае худо-бедно, с натяжкой он выполнялся...

Однако более всего Гвоздина переживала за то, что творилось в бане, когда она по тем или иным причинам отсутствовала. А там происходило нечто загадочное, впрочем, не такого уж страшное явление, как использование рабочего места в пополнении дохода, о чём ей недвусмысленно намекали верные Гвоздиной люди. И вот от личных осведомителей ей становилось известно, как только она уходила из бани, закрыв свой кабинет на ключ, который и служил для сантехников как бы сигналом к действию. В женском отделении на трубопроводе, который подавал горячую воду, вдруг обнаруживался свищ. Скорые на руку слесаря наглухо перекрывали подачу горячей воды и потом неизвестно где начинали устранение этой злополучной аварии. А на входе в женское отделение вывешивалась табличка, которая указывала на проводимый ремонт. Кассирше поступало распоряжение: временно прекратить продажу билетов. И одновременно клиенты узнавали следующее: «Желающие помыться, могут обратиться с чёрного входа к слесарям», на что некоторые, не клюнувшие на эту уловку клиенты, возмущались:

– Безобразие, когда баня будет нормально работать! – и потом шли к слесарям, пытаясь у них найти объяснение аварии, как долго она будет устраняться?

– Когда же построят новую, в этой что-то без конца не ладится, – вторили другие.

В это самое время Крайнев стоял на улице при входе в баню и вещал об аварии, которую быстро устранить никак нельзя, однако, есть служебные работающие кабины и желающие могут помыться, для чего только нужно зайти со двора. И он чинно жестом руки указывал направление пути к долгожданной клиенту сауне, где встречал тех, кто клюнул на приманку, Трухин, и с ходу их препровождал далее в моеющее отделение, за что взимал с них плату.

И так продолжалось более часа, пока Блатов устранял мнимую аварию, и с какой-то задвижкой возился только для отвода глаз.

Слесарям этого часа вполне было достаточно, чтобы содрать с клиентов на пару бутылок вина. И вот Трухин отсчитал Блатову шесть рублей и ускакал того в магазин за вином, а Крайнев снял табличку, которая извещала о проводимом ремонте и чинно пошagal в слесарку, чтобы там от души посмеяться, пересказывая Трухину блестяще проведённую операцию по выкачиванию денег из клиентов.

И как ни в чём ни бывало, после устранённой аварии, в привычном ритме баня вновь заработала.

– Ну, как Ваня мы охмурили этих волкодавов, а рычали то как? Сколько денег нагребли? – рассмеялся цинично Крайнев, обнимая разухабисто крепкую коренастую фигуру Трухина.

– Глохни, Лёня, всё в ажуре, мой дорогой, гонец в пути, – провозгласил тот спокойно, но с мрачностью на лице.

– Ефрема ускакал? Отлично! Только бы моя не наскочила, – напомнил Крайнев, прикладывая к губам большой палец, глядя исподлюбья на друга. Затем, пройдясь важно по слесарке, в сладкой истоме улёгся на топчан.

– Чего, Лёня, боишься, она пронюхала? – насмешливо спросил Трухин и выглянул из проёма дверей в коридор. – Ха-ха, а вон твоя Светик топает лёгкая на помине, лучше бы ты о ней не упоминал, – с напускным огорчением проговорил тот.

– Бреши больше, ведь пропали, Ваня?! Хотя, кажись, она должна к матери поехать, – вспомнил Крайнев, но не успел он закончить слово, как мигом подхватился с топчана, и в два прыжка очутился около Трухина, оттеснил того и выглянул из дверей слесарки. Ведь чего доброго Ивану она могла не померещиться, коли только тот не вздумал над ним пошутить.

Но приятель оказался прав, в чёрном провале дальних дверей, который вёл из тамбура в тёмный коридор, Крайнев издали узрел мерцающий нараспашку белый халат, плотно облегавший до боли знакомую полноватую фигуру Земелиной. В самом тамбуре никакого освещения не было, и там по плитке деловито простучали отчётливо уже женские каблочки. И вскоре в распахнутые настежь двери она выплыла на яркий ударяющий с улицы солнечный свет, представ перед изумлёнными очами Крайнева, который в некотором смущении озадаченно почёсывал затылок. Он опасался её разоблачения их мнимой аварии, чем его поставит перед дружками в неловкое положение.

– А, так ты до сих пор здесь, мой соколик?! – пропела Земелина, подойдя к своему второму «ненаглядному счастью», поскольку после первого у неё был пятилетний сын, который жил у её родителей. А она с Крайневым жила в свободной комнате, предоставленной им на время Гвоздиной прямо в бане, кое-как наладив свой нехитрый быт. И по совету Гвоздиной встали в городскую очередь на получение жилья, что могло произойти по заверению директора к осени, так как она сама радела о счастье «такой подходящей пары», и хлопотала о предоставлении комнаты её работникам в семейном общежитии.

У Земелиной с матерью произошёл серьёзный разлад из-за того, что дочь непродуманно, на её взгляд, сошлась с Крайневым, человеком без определённого места жительства. Мать обвиняла дочь в беспутстве, так как у неё первый муж оказался неисправимым пьяницей, и вот она ухватилась точно за такого же, подобрав какого-то бродягу с улицы, не вникнув в его прошлое. И это в то время, когда при её внешности можно вполне найти достойного мужчину! Мать упрекала дочь ещё за то, что она не расспросила о судьбе его семьи? Не мог же человек всю жизнь обивать чужие пороги, наверное, у него было и своё жильё. А поскольку теперь нет, значит, этот человек промотал его. И напрасно она играет в благородную спасительницу, что вызывало у сердобольной женщины полное недоумение: почему дочь согласилась жить с проходимцем?

Конечно, Земелина разделяла беспокойства своей матери, однако её чувства действительно возобладали над здравым смыслом. Хотя её саму тоже интересовала его прошлая жизнь, поэтому всё, что нужно было знать о нём, она давно у него выяснила. Оказывается, он потерял жильё из-за нервного срыва, когда жена покинула его, погнавшись за богатством, чего у Крайнева никогда не было. Когда узнала о том, что его сломало, Земелина решила: «Лёня ещё непоптеранный человек, его можно спасти женским участием и мне это вполне под силу; и я сделаю из него честного человека».

Она была сговорчивого характера, и решила попробовать разделить его участь бездомного, чем могла ускорить получение квартиры. «Чтобы обрести полноценную семью, – рассуждала она, – не стыдно пожить и в бане». В этом Земелина даже находила некоторую долю романтики. Но соединиться с Крайневым её подвигла вовсе не романтика, а размышление такого рода: «Если бы он был вором, то, как всякий жулик, имел бы и жильё, и машину, и даже мог владеть приличным состоянием. Но у него ничего этого не было, он нуждался во всём: и в крыше над головой, и в близком человеке, и в приложении своих рук».

В бане Крайнев оказался, как в приюте милосердия. Если бы она не вырвала его из уличной среды, он мог бы стать конченным вором. В первую минуту их незабываемой встречи Край-

нев приглянулся ей своей атлетической фигурой. И его мужская сила решительно повлияла на то, чтобы связать с ним свою одинокую женскую долю.

Впрочем, как и всякая красивая женщина, она любила мужчин, однако вовсе не как завязых гуляк, она любила мужчин ранимых, душевных, с которыми можно поговорить по душам. Для одинокой женщины это являлось возможностью выбора того единственного, ради которого она была готова на личные жертвы...

Крайнев, правда, не очень соответствовал её этому представлению, но она надеялась подобрать к нему подход, и вполне отдавала отчёт в том, что именно без женского участия он и опустился. И не преминула поставить перед ним условие – умеренного потребления спиртного. А лучше совсем его исключить. В Земелиной он прямо-таки души не чаял, и старался оправдать её надежды. И сейчас, предвкушая момент распития вина, было понятно то, почему он вёл себя так озабоченно, боясь как бы на их «малину» не наскочила его обожаемая жена, каковой по закону она пока ещё не являлась.

Земелина, увидев сожителя ещё трезвого и без запашка, с некоторым недоверием сдержанно улыбалась, внимательно разглядывая того, напрочь забыв о том, что это делает почти откровенно при Трухине. Хотя ей и в голову не приходило то, что Крайнев мог спиртное заедать мускатным орехом, который почти вытравлял запах вина, поэтому утреннее винное чревоугодие со стороны острой на нюх жены, для него прошло благополучно.

– А чего, мой соколик, мы тут торчим, ты ещё долго будешь ждать неизвестно что? – пошла она с ходу в атаку, вскинув голову, и воинственно постукивая ключами о ладонь.

– А где я должен быть, Светик? – округлив плутоватые глаза в удивлении, Крайнев заморгал ресницами, словно в глаза налетела мошкара.

– Дома, соколик, и не делай мне глупый вид, будто ты ничего не понимаешь! – напомнила она, наклонив набок голову, посматривая иронично, чтобы скрыть своё сильное к нему влечение. И многозначительный взгляд жены подсказывал то единственное, что она жаждала получать от него, и чем занимались наедине, и ради него она жертвовала даже сыном, оставив кровинушку на попечение матери.

– Светик, вот сейчас докурю, и тогда пулей примчусь, – искренне, с жалостью в голосе скороговоркой проговорил Крайнев, клятвенно прикладывая большие, смуглые ладони к своей выпуклой груди.

– Нет, Лёня, давай выйдем, если до тебя не дошло, то я тебе растолкую, – настоятельно, твёрдо сказала она, не сводя с него влюблённого нежного взгляда с налётом укора. Крайневу ничего не оставалось, как только наигранно развести руками, чей жест относился к Трухину, наблюдавшему со стороны не без улыбки за выразительной сценой объяснения супругов.

Крайнев не столько из вежливости, а сколько от безвыходного положения поплёлся вслед за женой, оглядываясь на дружка, сделав тому ясный намёк, что всё будет улажено, он скоро вернётся.

Трухина это нисколько не волновало, он смотрел на Крайневу, как на подневольного раба, попавшего во власть бабе, хотя по-настоящему всерьёз не унывал оттого, что Светка увела дружка, оставив его одного дожидаться возвращения Блатова.

– Лёня, я сейчас должна поехать в контору, – заговорила в сумрачном тамбуре Земелина. – Ты ступай к нам, я буду тебя ждать прямо сейчас, мне ты нужен трезвым..., понимаешь? Я опасаюсь, что к моему возвращению ты уже будешь, как вчера, тёпленький. Между прочим, ты перестал выполнять наш с тобой уговор, мой соколик!

– Да это было тогда случайно, а сегодня я буду как стёклышко, Светик, – воскликнул тот, строя ей глазки.

– Лёня, не надо мне врать, идём, ты вчера впервые был не в состоянии... или непонятно говорю? И вот что, я поняла, для чего вы самочинно закрыли баню, да, Лёня, поняла! Но учти,

если это повторится ещё раз, я всё доложу маме, и на меня нечего смотреть обиженными глазами, артист ты мой?

После своего разоблачения Земелина про себя отметила, как снова не притворно поглубило лицо Крайнева, отчего он чаще обычного заморгал ресницами и вместо того, чтобы обрести дар речи, он лишь сглатывал жадно слюну, как голодный при виде вкусного лакомства. А потом, словно от удивления отвисла нижняя челюсть, рот приоткрылся. Он явно искал лазейку для оправдания поступка перед своими корешами.

– Да, ей-богу, Светик, авария была! Клянусь, больше капли в рот не возьму... Даю честное пионерское слово! Но в последний раз сегодня можно, – затараторил он, показывая своё крайнее волнение и неподдельные чувства, а глуповатые глаза отражали просьбу на вытянутом его загорелом лице, отчего ей становилось его немножко жалко. – Светик, мама сама отвалила червонец, не пропадать же моей доле?

– Ну, смотри мне, пионер, чтоб твоя житейская доля не потонула в стакане вина, мой соколик! Но почему всегда я хочу тебе верить, хотя знаю – ты неисправимый обманщик, лгун и пьяница, – несколько мягче задумчиво ответила она.

– Светик, да за такие слова я тебя – на руках, ты же знаешь, как до безумия я тебя люблю, что не грех за это и выпить отвальную. Иди, я прибегу мигом, ты того – подготовься, гы-гы! – восторженно заржал он, сияя от счастья глазами.

Земелина проверяла Крайнева не по одной той причине, что он втягивался в пьянство, из которого пыталась его вырвать, просто она вновь и вновь хотела убеждаться, что Крайнев по-прежнему испытывает к ней неиссякаемый поток страсти, которая не должна утонуть на дне стакана. Но главное, чтобы какая-либо особа не перешла ей дорогу...

Глава вторая

1

Наконец Блатов пришёл отяжелевший от ноши и весь распаренный нелёгким выстаиванием в очереди за зельем, и теперь прятал его за верстак.

Этим временем Крайнев тщательно быстро вымыл стаканы, потом заставил Блатова достать из заначки бутылку портвейчика.

– Не, видел, что значит, быть у бабы под каблуком, наш Лёня вертится, как юла! Ха-ха! – подначивал дружка Трухин.

– Ещё бы, Ваня, побыл бы ты на моём месте! – без злобы ответил Крайнев. – Братцы, я такой бабы, как моя Светик, отродясь не имел, все были стервы, только о себе пеклись! В общем, моя Светик – это само добро, да я за неё любому пасть перегрызу...

– Кончай базар, Лёха – насыпай! – крикнул охрипло Ефрем, выставив одну бутылку на верстак и тут же уселся на топчан, поджав под себя ноги.

– Жажда мучит? Ефрем, принимай пойло! – Крайнев ухнул почти из литровой бутылки вина в большой гранёный стакан под завязку и чинно подал Блатову. – Ха, Ваня, гляди, как у Ефрема руки затряслись! Не, Светик права, дожить до такого мандража – позор всему свету, может, я сам тебе волюю, гы-гы?

– Парень, отвали, без сопливых! – Блатов держал стакан на весу; и впрямь, вино запрыгало, заволновалось и красными ручейками потекло по загорелой руке. Блатов резко наклонил лицо к стакану и, зажав его губами, быстро выпил, обмочив вином подбородок.

– Ну, братухи, я пью за вас и лечу... без меня, чур, ко второй не приступать! – и он без промедления опрокинул в себя стакан, смачно крикнул, разорвал пирожок пополам, всунул в рот половинку и, почти не жуя, проглотил, доставая следом из кармана брюк кусочек мускатного ореха, сунул под зуб и смачно стал разжёвывать...

Когда Крайнев умчался к жене, Трухин с Блатовым, храня задумчиво молчание, покуривали: один полёживал на топчане, а второй, чуть сутуля долговязую шею, похаживал около верстака, словно охранял, как часовой важный объект.

– Удивительно, чего это сегодня никого нет? – блаженно потягиваясь, наконец, спросил Трухин, разглядывая высокий белёный потолок слесарки. – Да, наверно, уроки мамы всем пошли впрок! – с ехидцей прибавил тот.

– А кого ты хочешь видеть? – лукаво, охриплым голосом спросил Ефрем, почёсывая затылок, и, улыбаясь, уставился на приятеля.

– Зреть-то особо и некого, да что-то Шустрин ещё у нас не отметился, – несколько витиевато проговорил Трухин.

– Сегодня его дочь в котельной дежурит, так он, наверно, пользуясь моментом, с зятем на своей даче груши околачивает...

– Ишь ты, дачу имеет, куркуль! – притворно воскликнул он. – Поэтому на затравку не прибёг, а то всегда, бес его дери, скачет, как на нюх...

– На хрен мы ему, у самого, наверно, винища – залейся – не хочу...

О том, что Шустрин поторговывал вином вкупе с дочкой, Трухин втайне знал и поэтому преднамеренно отмолчался. Сам он жил почти на городской окраине с кривыми улицами, с разбитыми мостовыми. На одной из них стоял старый, обшитый тесом большой дом Трухина, в котором он теперь жил с женой и двумя сыновьями. Этот краёк знал его ещё босоногим мальцом; он тогда числился в среде местной уличной шпаны первой шкодой всей низовки, которая славилась издавна богатыми садами и которые постоянно сотрясали местные пацаны.

В своё время ими верховодил Трухин по прозвищу Струп. Эту кличку он заслужил из-за того, что у него на ногах и руках никогда не заживали раны, которые получал в мальчишеских потасовках и лазаньях по деревьям и голубятням и в прочих шалостях.

С возрастом сады сами по себе отпали, и на место детским шалостям и забавам пришёл настоящий воровской интерес. К тому же после восьмилетки Трухин пошёл в профтехучилище на слесаря-сантехника. И там вымогал деньги на курево и пиво у иногородних пацанов, держа их в постоянном страхе своей спаянной когортой местной шпаны.

За год учёбы свой воровской опыт он пополнил несколькими взломанными и ограбленными торговыми ларьками... Трухин также не гнушался со своими поделщиками в базарной толчее залезть в карман к покупателю. В воровской промысел Трухин втягивал и Крайнева, который так и не научился мастерству шипача. Зато мог ловко заговорить зубы любому человеку и зорко стоять на шухере, чему его натаскивал, естественно, Трухин, который когда-то сам прошёл хорошую воровскую выучку у известного в блатном мире того времени карманного вора по кличке Серпок. Прозвали его так за тонкое искусство опустошать и вырезать карманы, однако это не мешало ему схлопотать две судимости.

Среди воровского мира Серпок, разумеется, был известным лицом, причём числился не на последнем месте. Тогда ему было уже под пятьдесят. И к тому времени он навсегда завязал лазить по карманам, зато окружил себя подростками, склонив тех к своему оставленному ремеслу, а прошедшие его выучку, после каждого искусно сработанного дела были ему обязаны платить «налоги», на которые, собственно, он и жил. А для отвода от себя ока милиции, как порядочный, работал на стройках сторожем, где его обнаружили убитым более десяти лет назад...

После смерти учителя Трухин занял полноправно его место, однако, вскоре по окончании училища он уехал по распределению в областной центр, где, живя в общежитии, украл у своих же товарищей по комнате ценные вещи, за что его сильно избили. Но это его не отучило от воровства: в день полочки с одним поделщиком вымогал деньги у первого встречного гражданина, по горячим следам были пойманы и отданы под суд. И Трухину предъявили обвинение по всем тогдашним случаям ограблений, которые случились за тот отрезок времени, пока он проживал в рабочем общежитии, несмотря на то, что преступления такого же рода случались здесь и до его появления. Однако Трухина принудили взять всё на себя, за что схлопотал пять лет с отбыванием срока на лесоповале в колонии строгого режима.

Трухин отбыл наказание, вернулся в родной город, а через год женился на разведённой и бездетной молодой женщине, которая родила ему двойню. Вот уже пятый год он жил вполне счастливой семейной жизнью, понемногу забывая своё воровское прошлое, и уже больше года под натиском домовитой жены занимался тепличным делом, выращивая к праздникам цветы и ранние овощи. И так крепко втянулся в своё хозяйство, что даже вошёл во вкус истого огородника-любителя.

Для того, чтобы в совершенстве овладеть навыком по выращиванию разных сортов огородных культур и получить элементарные знания по агрономии, он выписал журнал «Сад и огород», читая его добросовестно от корки до корки. И уже шёл второй год, как они с женой успешно выращивали тюльпаны, гвоздики, пряную раннюю зелень, редиску, огурцы, помидоры, а в этом году впервые занялся клубникой, которая обещала дать неплохой урожай.

Так что карманый вор Трухин выродился совсем, превратясь в частного дельца, так как больше не хотел, чтобы шипачество опять загнало его на какой-нибудь лесоповал. К тому же он всё ещё находился под неусыпным контролем участкового...

Но подрастающая поросль, которая находилась на отлёте в самостоятельную воровскую жизнь уже не почитала таких, как он. А ему нынче, как примерному семьянину, оставаться прежним уже было ни к чему: во-первых, он отстал в совершенствовании техники вора, а во-

вторых, уже не тот возраст, Для пресловутой красивой жизни надёжней всего добывать деньги честным трудом. Как бы не соблазняла она всеми уладами, пора знать свой шесток...

И вот, став частным предпринимателем, ему и в деле садовода и огородника нет спокойной жизни. Не успел он с Блатовым за два дня сварить из металлического уголка каркас теплицы и прикупить пару ящиков стекла для её остекления, как пришёл участковый посмотреть, что он, Трухин, тут сварганил. На каких основаниях на постройку сооружения приобрёл материал, есть ли у него на это разрешение властей? Но какое благо, что его предусмотрительная во всех мелочах жена Мила предъявила участковому накладные, и только после этого тот убрался прочь со двора.

2

У Трухина была привычка менять свою личину, превращаясь из блатного в приличного человека. В отличие от своих напарников он одевался тоже неплохо: в слегка поношенном костюме модного покроя стального оттенка, в свежей голубоватой сорочке, при галстукке, в начищенных до блеска туфлях, он выглядел довольно щеголеватым, как отправляющийся на свидание к женщине кавалер. Вот только запашок спиртного да суточная на щеках щетина, да припухлость под глазами, выдавали в нём неисправимого пьяницу. Но к тому же ещё лихорадочный блеск в насмешливых и раскосых глазах, несколько настораживали любого постороннего человека, порождая некоторые сомнения на счёт его психического здоровья, несмотря на выхоленный вид...

Разумеется, другим Трухин был и в семье (блатной шарм к нему навсегда не пристал), в обращении с женой Милой он проявлял себя нежным и любящим мужем, свет от которой отражался на искренно им обожаемых сыновьях-близнецах, которые были очень похожи на него, Трухина.

На досуге он любил читать книги с острым, захватывающим сюжетом, в основном о разведчиках; к запойному чтиву он пристрастился, будучи ещё на зоне. Но вот что касалось его напарников, то Крайнев и Блатов, последний раз держали книги в руках, ещё учась в школе, да и то только учебники. Однако, видя Трухина читающим на работе, они стали тоже почитать, оставляемую товарищем по их просьбе книгу.

Итак, узнав от Блатова, что Шустрин с зятем Валерьяном на даче, а дочь Элка дежурит в котельной одна, Трухин стал искать убедительный предлог, чтобы улизнуть из бани к Элке, которую уже давно не видел. Впрочем, с того момента, когда та ошарашила его своим признанием, что забеременела от него, Трухина, он тут же посоветовал ей сделать аборт, после чего Элка завелась перед ним слезливым причётом, что она его, Трухина, безумно любит и уже поздно делать операцию по удалению греховного плода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.